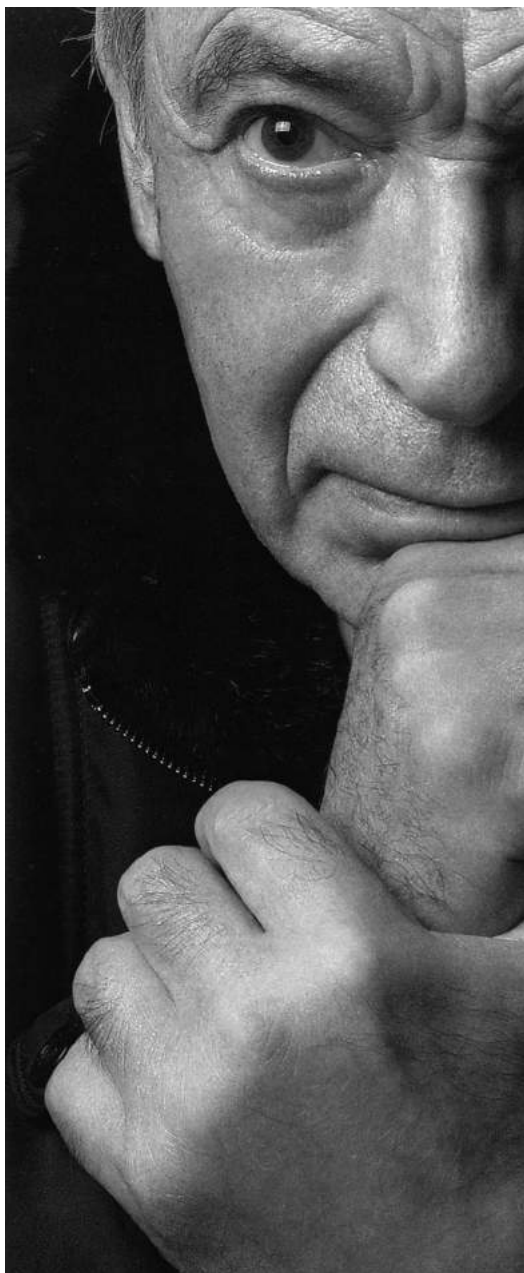

Валентин ГАФТ

«СМЕРТЕЛЕН УРОВЕНЬ ВОДЫ...»

Я долго живу... В молодости, не раздумывая, менял театры – Театр Моссовета во главе с Завадским, забытый сегодня маленький театрик Драмы и Комедии на Спартаковской; у Плучека в Сатире сыграл в «Женитьбе Фигаро» графа Альмавиву; у Эфроса – в театре Ленинского комсомола в булгаковском «Мольере» – маркиза-дуэлянта и разбойника д'Орсиньи, а после того, как Эфроса выгнали, у него же на Малой Бронной – обольстителя Колобашкина (как бы я его сегодня сыграл!) и Отелло... Только два раза и вышел на сцену в этой любимой моей роли. Пришел к Ефремову в «Современник», получил Шамраева в «Чайке», остался с Волчек на целых тридцать лет... Галина Борисовна – она очень хорошая... Живет с удовольствием, словно в цветущем саду среди роз и при этом постоянно жалуется, как ей трудно.

Я работал с замечательными людьми.

Андрей Александрович Гончаров репетировал незабываемо. Лучшее всего на уровне эскиза. Тончайше разбирал пьесу. Потом, к сожалению, в его спектаклях оказывалось много «гвоздей». Режиссура Анатолия Васильевича Эфроса казалось мне журчанием ручья. Камешек к камешку... Прозрачные струйки их обтекают... И вдруг ты чувствуешь, что оказался на вершине Олимпа. Ох, какой он был гениальный! А на телевидении у него не очень получалось

Сегодня неожиданно для себя я стал популярным человеком. Мне и раньше приходилось слышать немало хороших слов. Еще в Училище, когда на экзамене я прочитал «Люблю» Маяковского, для меня – гениального лирика, главного поэта моей жизни, знаменитый чтец Дмитрий Николаевич Журавлев поставил мне невиданный в школе балл – пятерку с плюсом. (И спас меня, нерадивого студента, который не мог делать упражнения с воображаемыми предметами и был кандидатом на отчисление).

Монологи

Перед тем, как я был уволен из Театра Моссовета (режиссер велел мне открывать дверь левой рукой, а я хотел – правой), Ростислав Янович Плятт, сказал: «Этот мальчик отмечен Богом!». Женя Евстигнеев любил со мной играть, говорил, что в «Осенней скуке» Некрасова я лучший из его партнеров. Но я быстро забывал хорошее. Мне казалось, что все они больше, талантливей меня: великие Евстигнеев и Олег Борисов, Ефим Копелян, Евгений Лебедев, Андрюша Миронов, прекрасная Зина Шарко... Она читает Марину Цветаеву так, как никто никогда не читал...

Теперь я редко хожу в театр. Меня куда больше интересует, ужасает и потрясает сегодняшняя жизнь в России и в мире, и все, что происходит с нами. Какой-то дьявольский разгул разрушительных страстей. Только дети верят в сказки. Людей убивают, детей убивают, дома разрушают, старики плачут, им негде жить и нечего есть. А взрослые дяди делают вид, что ничего этого нет. Есть преступление и нет суда.

Маяковский написал когда-то:

В рублях карманы.

Любить?

Пожалуйста!

Рубликов за сто...

Не хватает терпения, добираться дыхание, скрежещешь зубами. Противно сознавать, что ты никто и не способен помешать. Сердце может разорваться, и ты помрешь.

Я не могу, как чеховский Чебутыкин, сказать: «...Одним бароном больше, одним меньше – не все ли равно?» Мне не все равно. И что толку гадать, какая жизнь будет через 200 лет? Вполне возможно, что ее вообще не будет.

Стали дьяволами судьи,

Кровь застыла на челе.

Умирая, стонут люди,

Бога ищут на земле.

И потомки, и подонки,

Мы теперь одна семья.

Солнца нет, одни потемки.

Дьявол он, и дьявол я.

Сегодня я стал видеть и слышать больше, понимать больше, чем можно вытерпеть.

В молодости останавливался на начальных «а» и «б». Сейчас дошел до середины алфавита.

Прежде лодка моя опускалась под воду метра на три, а теперь – на сто.

Смертелен уровень воды,

Когда в нее впадают – Слезы!

Все опошлено – совесть, человеческое достоинство, любовь, а драматической литературы, чтобы сказать об этом всерьез, нет (или почти нет). Авторы, которые сочиняют новые пьесы, то ли не видят, не слышат того, что творится за стенами театра, то ли не умеют об этом написать, а может, боятся. А то, что я время от времени вижу на сцене, унижает меня, оскорбляет глухотой к реальности. Какой-то веселящий и веселящийся театр... И столько смешилок, анекдотов, рассчитанных на дураков... Как будто бы наша действительность дает повод к веселью!

Секс и пошлость стали ширпотребом. Безумие какое-то!.. Я написал в одной эпиграмме:

«Раздвинув ноги у культуры,

Он эпатирует народ...»

Кого-кого, а меня меньше всего можно заподозрить в неприязни к сексу. Наоборот, я это очень даже люблю. И кое-что мог бы рассказать из своего, далеко не бедного на сексуальные радости, прошлого нынешним театральным прогрессистам, в особенности – прогрессисткам. Но, как говорят, на всякое безобразие есть свое приличие. Нельзя все показывать на сцене! Зоологи утверждают, что даже верблюды, в пору случки, ищут место поукромней, удаляются в пустыню, где их никто не увидит.

Мне, конечно, возразят, что есть Роден, есть великие греки с их культом обнаженного тела. Нотам такая красота, совершенство, идеальное согласие внутреннего и внешнего!.. В Версале я видел картину, которая, кажется, называлась «Свидание». На полотне – сумерки и уходящий в глубину коридор с открытой дверью в конце его. Из дверной рамы выглядывает девушка. Виден кончик хорошенького носика и маленькие пальчики. С другой стороны – протянута рука и выставлена нога мужчины. Ясно, что еще мгновение и эти двое шагнут навстречу друг к другу, кинутся в объятия, сольются в жгучем поцелуе. Намек всегда выразительнее

целого, показанного буквально и натурально. Есть запрещенные на сцене приемы. Не все можно «трогать руками». Вы попробуйте сказать о тайнах секса, как это делал Александр Сергеевич Пушкин в своих гениальных эротических стихах и в такие давние времена.

Кажется мне, что в сексуальном безумии, в пошлости, в натурализме театра мы опередили и Европу, и Америку. Почти тридцать лет назад открылись границы, а мы оказались к этому не готовы. Кинулись во все тяжкие – усваивать, подражать, принимать чужое. Теряя достоинство, легкость, артистизм, с азартом и тяжеловесностью комплексующих провинциалов, в забвении собственного культурного прошлого поспешили «заглотнуть» все подряд, не различая дурного и хорошего. В сегодняшних театральных радикалах есть что-то и от сокрушителей–большевиков, и от новых русских – бешеных «Дунек» особого пола, пущенных в Европу. (Хотя они в последние годы стали потише за рубежом).

Уверен, что так, как я, думают о театре новейшего времени в России все порядочные, совестливые люди. Говорю вовсе не потому, что я старый. Я себя не чувствую стариком. Разве что, когда смотрюсь в зеркало или когда поясница болит. Энергии у меня без конца, и живу я активно. Правда, в последние годы мало работаю в «Современнике». Но зато мы с Володей Андреевым на сцене Театра им. М.Н. Ермоловой с удовольствием играем спектакль на двоих – «Самая большая маленькая драма» (вариант чеховского «Калхаса»). Я пишу стихи, сегодня – больше и чаще, чем эпиграммы. (Иногда мне приписывают чужие и особенно злые). И прежние, и новые читаю на своих творческих вечерах. Сочинил пьесу в стихах о Сталине – «Сон Гафта, пересказанный Виктюком»; несколько сезонов играл ее в «Современнике» вместе с Александром Филиппенко. Он очень хороший актер, острый и любящий слово; немолодой уже «украинский хлопчик», неугомонный, неутомимый, который своим разнообразным творчеством опровергает зависимость и подчиненность актерской профессии.

Совсем недавно я приготовил моновариант пьесы. Буду читать и играть ее один; на сцене Зала им. П.И. Чайковского исполню все роли, от Сталина до Эдика Радзинского, под божественное звучание знаменитого Московского камерного хора Владимира Минина. Для неверующего человека смерть – это слышимый или неслышимый, бессловесный вой ужаса. Сталин у меня перед смертью воет зверем.

Я уверен, что настоящий театр не может до конца исчезнуть. Чем хуже он сегодня, тем больше шансов на его возрождение. Люди устанут от безобразий и возникнет какое-то движение от противного. Кажется, оно уже началось. Пока еще не в самом театре. По причинам нездоровья я мало езжу в метро. Но друзья говорят мне, что сегодняшние пассажиры – все с книгами. Они читают. Может быть, книга для русского человека снова становится «частью костюма»? С книгами так бывает, когда становится совсем худо. Люди заслоняются ими от мерзостей жизни, уходят в прекрасное.

На концертах в Большом зале консерватории или в Зале Чайковского, я вижу множество молодых людей, девушек и юношей, совсем иных, чем «продвинутые» и «крутые» 1990-х и «нулевых» годов. Воспитанных и корректных, одетых строго и элегантно. С умными, «содержательными», взволнованными лицами. Не те ли это, кто отучился в знаменитых европейских и американских университетах и вернулся в Россию?.. Жаль, что наш театр, в «смелости» опередивший Европу, их пропустил или пока пропускает.

А что до того театра, который я знаю, читаю, люблю, в котором всю жизнь работаю, то он никуда и не исчезал. Жил, развивался, менялся... Однако был задвинут в тень. Где-то рядом расцветали прекрасные цветы, созревал урожай. Но мало кто заботился, чтобы отдать ему должное. Напротив, изо всех сил старались, чтобы о нем поменьше знали.

Недавно умер замечательный актер Малого театра народный артист России Александр Потапов. Я ужаснулся, ахнул. Вот о ком надо было говорить, писать, кого показывать по телевидению!.. Какой он был необыкновенный Городничий в «Ревизоре», лучший из всех

мною когда-либо виденных!.. Я и сам эту роль в спектакле Валерия Фокина, в «Современнике» играл. Считалось, что успешно. Но у Саши пронзительно присутствовал Гоголь, в невероятном объеме гения... Такой мощный, его Городничий метался, рычал, был смешным и растерзанным, жалким в финале... И как он плакал! Настоящими слезами. Ужасно, что я не был с Потаповым знаком, не успел сказать, как я им восхищаюсь. А пресловутая «Золотая маска» куда смотрела? Национальной премией называется! В номинациях и награждениях непозволительный процент ошибок, предвзятость, «кумовство». А Саша Потапов был подлинно русский национальный актер.

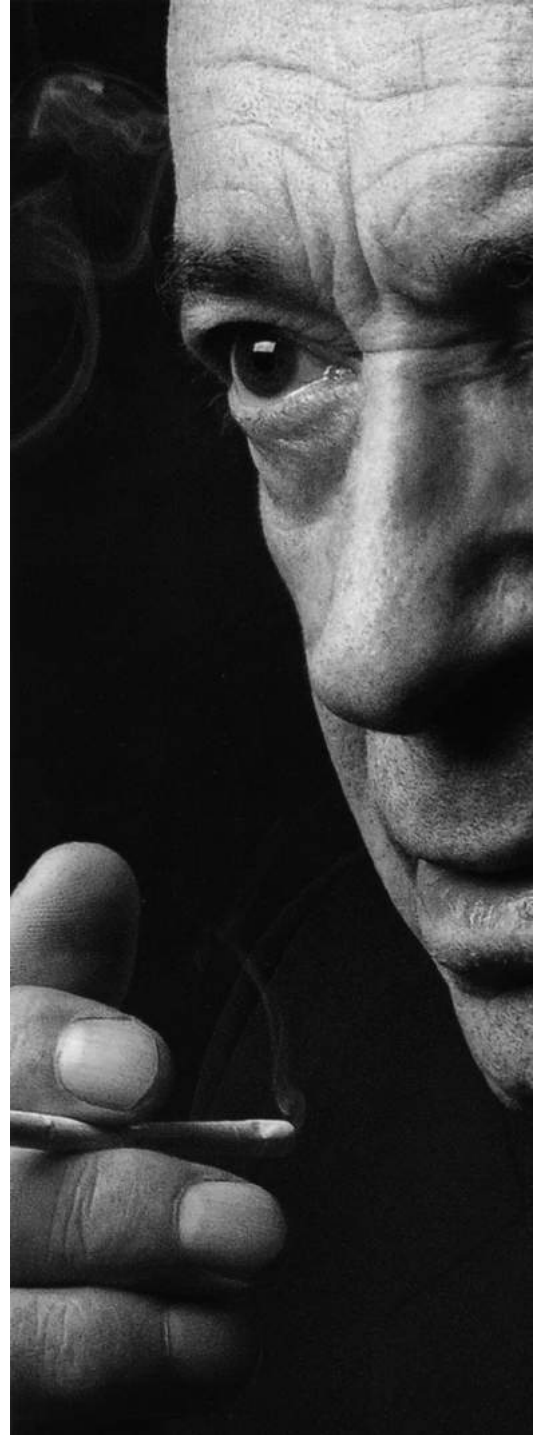
Мне очень нравится Виктор Сухо-руков из Театра им. Моссовета. В наше тревожное, смутное, промежуточное время, когда обесценено мастерство и полная свобода дана дилетантам, он являет собой сложное и глубоко человеческое искусство. Он – мастер, в котором шутовство, озорство, разгул, даже русское юродство соединились с абсолютной правдой внутренней жизни. Его «театр» не скрыт. Мне кажется, что он из актерской плеяды Михаила Чехова.

Я не люблю, когда меня называют по-этом. Я – артист Валентин Гафт. А сочинение стихов – это для меня упражнение души. И защита ее.

* * *

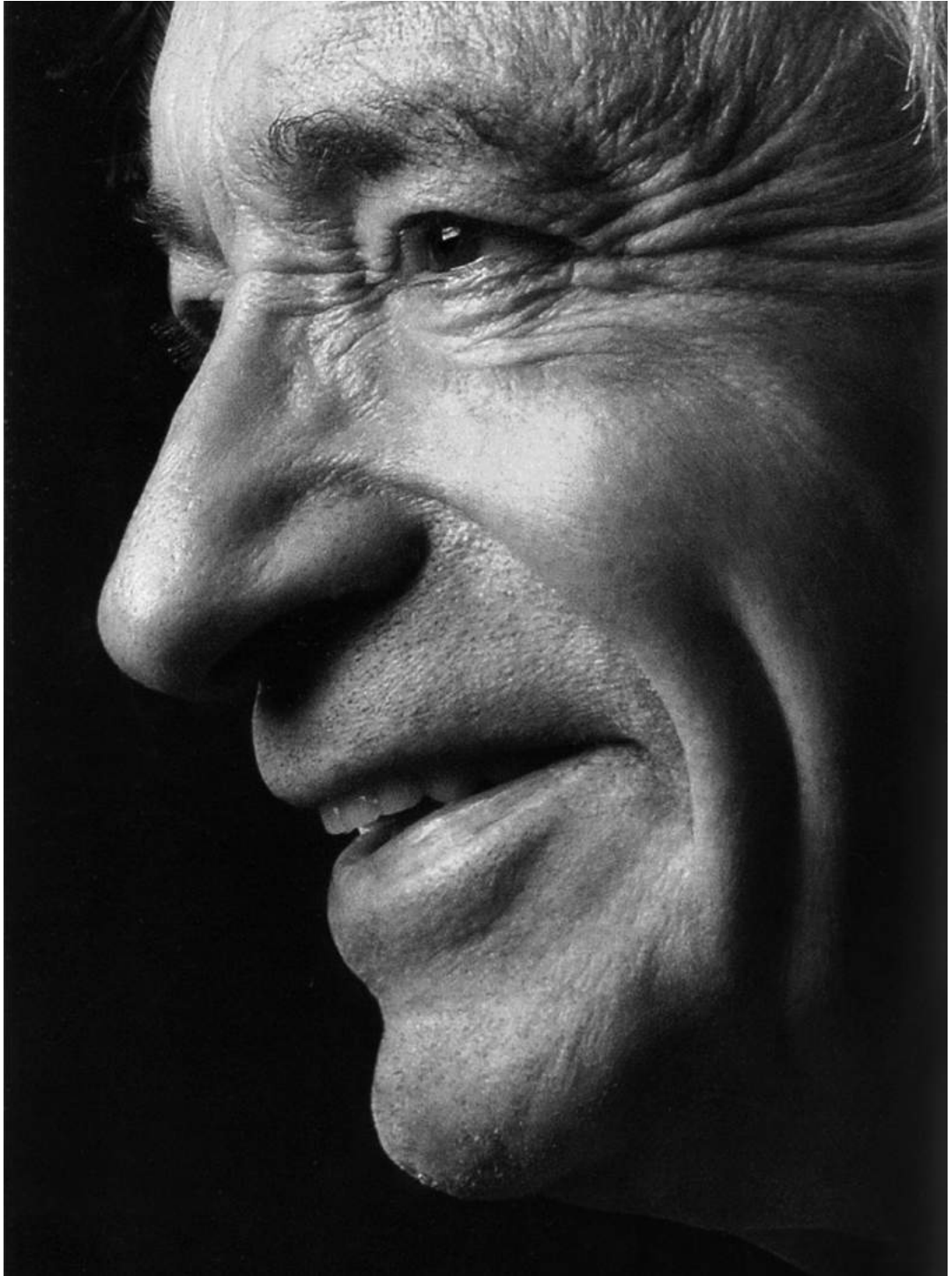
Упало зеркало, разбилось отраженье –
Сегодня или завтра быть беде.
Не так причесан мир, и все его движенья
Преломлены, как тени на воде.

Разбитых стекол свет стал узким, колким.
Но отраженье мира погребя,
Мы соберем души своей осколки,
Чтоб, может быть, увидеть в них себя.

Про настоящее

DM

ВЕТЕР

Что, ветер! Наступили сроки
Тебе с землей повоевать.
Ты сделал где-то вдох глубокий,
Пришел на землю одинокий
Свое дыханье выдыхать

О ветер, ты предвестник бурь,
Земля от боли сжалась.
Свою выветривая дурь,
Оставь земле ее лазурь
Не рви восставший парус.

Но ветер был упрям, жесток.
Он был, как парус, одинок,
Как я, как эти строки.
Мы все на свете одиноки.

И ветер бушевал, не утихая,
Он мстил земле, все с корнем вырывая,
Земле, где нет покоя,
Ни парусу, ни мне.
Нас с ветром трое.

ОГОНЬ

Есть у огня свои законы.
Огонь войны в людей вселяет страх,
Покоем дышит он в каминах и в кострах,
Но есть огонь невидимый – иконы.

О, как блаженно жгут лучи твои,
Сжигай меня, икона, я не струшу,
Я знаю, ты сожжешь грехи мои,
Чтоб отогреть измученную душу.

* * *

Окончилось лето,
Устали поэты,
На время свое отложили перо.
Раскрыты секреты,
Все песни допеты.
Что новым казалось –
Вдруг стало старо.

Остались заветы,
Загадки, ответы.
Но что будет дальше,
Не знает никто.
И чайка убита, и Чехова нету!
А мы все играем.
Играем в лото.

БАБОЧКА

Через муки, риск, усилия
Пробивался к свету кокон,
Чтобы шелковые крылья
Изумляли наше око.

Замерев в нектарной смеси,
Как циркачка на канате,
Сохраняют равновесье
Крылья бархатного платья.

Жизнь длиною в одни сутки
Не сравнится с нашим веком,
Посидеть на незабудке
Невозможно человеку.

Так порхая в одиночку,
Лепестки цветов целуя,
Она каждому цветочку
Передаст пыльцу живую.

Когда гусеница в кокон
Превратится не спеша,
Из-под нитяных волокон
Вырвется ее душа.

Жизнь былую озирая,
Улетит под небосвод.
Люди, мы не умираем,
В каждом бабочка живет.

КРОТ

Есть у крота секрет,
Известный лишь ему:
Он вечно ищет свет,
Предпочитая тьму.

ЦАПЛЯ

Только ноги, только шея,
Остальное – ерунда,
Остальное только тело,
То, куда идет еда.

Тычет воду длинным клювом,
Точно шлангом со штыком,
И рыбешек, и лягушек
Поглощает целиком.

Ну а к вечеру устанет,
Одну ногу подождет
И застынет одиноко,
Словно рыцарь Дон Кихот.

В небо цапля не взлетает
Уже много-много лет.
Небеса не принимают
Этот странный силуэт.

ЖИРАФ

Не олень он и не страус,
А какой-то странный сплав.
Он абстракция, он хаос,
Он ошибка, он жираф.

Он такая же ошибка,
Как павлин, как осьминог,
Как комар, собака, рыбка,
Как Гоген и как Ван Гог.

У природы в подсознание
Много есть еще идей.
И к нему придет признание,
Как ко многим из людей.

Жираф – Эйфелева башня,
Облака над головой,
А ему совсем не страшно,
Он – великий и немой.

РАДИОМУХА

Муха бьется о стекло,
Рядышком окно открыто.
Или муху припекло,
Или после менингита.

Ловко делает она
Агрессивные движения.
Ей свобода не нужна –
Мухе надобно сражение.

Муха – лекарь, муха – врач.
Яд – любимое лекарство,
Этим ядом передач
Муха «лечит» государство.

Муха борется со злом,
Все печется о народе,
Погибая за стеклом
На жирнющем бутерброде.

Родилась она давно,
Еще в том, двадцатом веке,
Но любимое говно
Ищет в каждом человеке.

ГРЯЗЬ

Какого цвета грязь?
Любого.
Пол грязным может быть и слово,
Идея, руки, площадь, шины...
Грязь – лишний штрих, и нет картины.
Грязь в вечном споре с чистотой,

И дух свой, смрадный и густой,
Свое зловонье, безобразье
Грязь называет простотой
<...>
Уже близка опасная черта,
Пустые души искажают лица.
О, вечная земная Простота,
О, вечная земная Чистота,
Спасительница мира – Красота,
Явись скорей, хочю успеть отмыться.

ЮРИЮ ВИЗБОРУ

Попса дробит шрапнелью наши души,
Ее за это не привлечь к суду.
Часть поколенья выросла на чуши,
И новое рождается в бреду.

О, солнышко лесное, чудо-песня,
Как мы в неволе пели, чудаки.
Пришла свобода – стали интересней
Писклявые уродцы-пошляки.

Слова – ничто, есть вопли вырождения.
Тот знаменит, кто больше нездоров,
Кто выйдет петь без всякого стеснения,
Без совести, без страха, без штанов.

Где песня, чтобы спеть ее хотелось?
Слова где, чтоб вовеки не забыть?
Ну что горланить про кусочек тела,
Который с кем-то очень хочет жить?!

С телеэкрана, как из ресторана,
Для пущей важности прибавив хрипотцы,
Они пудами сыплют соль на раны,
Как на капусту или огурцы.

В халатике бесполой фигура
Запела, оголившись без причин.
Противно это.

Спой нам, Юра,
О женской теплоте
И мужестве мужчин.

ТЕАТР – СЦЕНА

Театр – сцена, две кулисы –
Это место с давних пор,
Где актеру врет актриса
И актрисе врет актер.
Но за лживые забавы
Меж актеров и актрис
Им правдиво кричат «Браво!»
И правдиво кричат «Бис!».

ТЕАТР

Театр! Чем он так прельщает?
В нем умереть иной готов.
Как милосердно Бог прощает
Артистов, клоунов, шотов.

Зачем в святое мы играем,
На душу принимая грех,
Зачем мы сердце разрываем
За деньги, радость, за успех?

Зачем кричим, зачем мы плачем,
Устраивая карнавал,
Кому-то говорим – удача,
Кому-то говорим – провал.

Не стыдно ль жизнь, судьбу чужую
Нам представлять в своем лице?!
Я мертв, но видно, что дышу я,
Убит – и кланяюсь в конце.

Жизнь коротка, как пьесы читка,
Но если веришь, будешь жить.
Театр – сладкая попытка
Вернуться, что-то изменить.

Остановить на миг мгновенье,
Потом увянуть, как цветок,
И возродиться вдохновеньем.
Играем! Разрешает Бог!

ТРИ СЕСТРЫ

Все будет выпито и смыто
Волною от ушедших барж.
Уходит полк, стучат копыта,
А сердце разрывает марш.

Уходит полк в Читу иль в Польшу,
Но всем уйти не суждено.
Одним Бароном меньше-больше,
Не все ль равно, не все ль равно.

Страдать, терпеть, молчать, не плакать
Не врать себе, другим не врать.
Терпеть в жару, в мороз и слякоть,
Не зная для чего, но зная...

В последний раз успеть проститься...
Прощание как приговор.
Взметнулись в небо, словно птицы,
Три силуэта трех сестер.

И завтра их уже не будет –
К утру погаснут фонари,
О них расскажут, как о чуде.
А было их всего лишь три.

НИКОЛАЮ ГОГОЛЮ

Он выбрал трудную дорогу
И шел по ней без остановки.
Платя молитвами, он к Богу
Вымаливал командировки.

Любил стремглав на тройке-птице
С чертями по небу промчатся
И успевал писать, молиться,
И каяться, и вдохновляться.

Не встретив Бога – вот причина,
У бездны стоя на краю,
Молясь, дрожащий у камина
Сжигал он рукопись свою.

И видя гениальным взором
Средь мертвых душ свою судьбу,
Последний раз взглянул с укором
И пред Всевышним ревизором
Перевернул себя в гробу.

ФАИНЕ РАНЕВСКОЙ

Голова седая на подушке.
Держит тонкокожая рука
Красный томик «Александр Пушкин»,
С ней он и сейчас наверняка.

С ней он никогда не расставался,
Самый лучший верный кавалер,
В ней он оживал, когда читался, –
Вот вам гениальности пример.

Приходил задумчивый и странный,
Шляпу сняв с курчавой головы.
Вас всегда здесь ждали, Александр,
Жили потому, что были вы.

О, многострадальная Фаина,
Дорогой захлопнутый рояль.
Грустных нот в нем ровно половина,
Столько же несыгранных. А жаль!

ТРАГЕДИЯ

Пласток потерян и браслет,
Нет Дездемоны, Нины нет,
Сошел с ума Арбенин, и Отелло
Кинжалом острым грудь себе рассек.
Несовершенен человек,
Хоть Ум есть, и Душа, и Тело,
И есть Язык, и Слово есть,
И, к сожалению, возможно
Попрать Достоинство и Честь,
И Правду перепутать с ложью.

ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ ХУЛИГАНЫ

Мамаша, успокойтесь, он не хулиган,
Он не пристанет к вам на полустанке.
В войну Малахов помните курган?
С гранатами такие шли под танки.

Такие строили дороги и мосты,
Каналы рыли, шахты и траншеи,
Всегда в грязи, но души их чисты,
Навеки жилы напряглись на шее.

Что за манера – сразу за наган,
Что за привычка – сразу на колени.
Ушел из жизни Маяковский-хулиган,
Ушел из жизни хулиган Есенин.

Чтоб мы не унижались за гроши,
Чтоб мы не жили, мать, по-идиотски,
Ушел из жизни хулиган Шукшин,
Ушел из жизни хулиган Высоцкий.

Мы живы, а они ушли туда,
Взяв на себя все боли наши, раны...
Горит на небе новая Звезда,
Ее зажгли, конечно, хулиганы.

АНДРЕЮ МИРОНОВУ

О, как дрожит в руках перо,
Как тянется оно к бумаге:
Андрюшу вспомнил я – играем «Фигаро»,
Блестят глаза, кипит нутро,
Лицо полным-полно отваги.

Вдруг радость переходит в грусть,
Как страшно он молчит, все зная наизусть,
Не чувствует еще, не понимает,
Кем монолог внезапно сокращен,
Куда слова бесследно исчезают.
Все онемело, градом льется пот,
Последние слова, как льдинки, тают,
Вопят в молчании глаза, они как будто знают
Все, что сейчас произойдет.

Отмеченный Всевышним, он все мог.
И верил, и любил играя.
Но смерть и Фигаро сшибает с ног
И самый важный монолог
И жизнь на сцене отбирает.

Но знай, Андрей, что Фигаро
Не будет никогда старо,
Его еще мы вместе доиграем.
Где встретимся, пока не знаю,
В слезах бумага и перо.

НОЧЬ БЕЗ ФОМЕНКО

Не верю я, и вы не верьте,
С таким талантом в организме
Не умирают – он бессмертен,
Он сам источник этой жизни.

Небо надело вечерний наряд,
Горы свалились вповалку и спят.
Ночь. Люди любят... пьют... и едят.
Прожитый день не вернется назад.

Утро. Стихают ночные пиры,
Свеча догорает вокруг мошкары.
Но почему так печален рассвет?
Кто впереди был, того уже нет.

ОЛЬГЕ ОСТРОУМОВОЙ

Освещена лучом святым,
На землю духом бестелесным
Со взглядом светлым и простым
Сошла ты с высоты небесной.

Сказать словами не могу,
Что в ощущеньях берегу.

Тебя я чувствую в пути,
Хоть стал ленивей и капризней.
Но Дух твой все же во плоти
Ко мне явился в этой жизни.

МАЛЕРУ

Я слушал Малера, закрыв глаза,
Катилась по щеке слеза.
Мне было страшно, но напрасно
Я видел смерть – она прекрасна.

* * *

Вечер не вечность. Промчится –
как миг новогодний,
Снег, поискрившись, сойдет,
не оставив следа.

Знаю, что очень люблю,
Что люблю тебя очень – сегодня,
Завтра, быть может, не будет
уже никогда.

* * *

Мои слова – мои рабы,
Из них слагаются стихи.
Среди словесной чепухи
Ищу следы своей судьбы.